

«ЧЕЛОВЕК ПОСТУПАЮЩИЙ»: ОПЫТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ

(Работа выполнена в рамках проекта,
поддержанного грантом РФФИ № 00-06-80065)

Поступок — телесный способ воплощения идеи, почти всегда — «говорящий поступок». Действие, атрибутируемое как ценностный акт, выступает условием самораскрытия человека, расширяет представление личности о ее возможностях, «диаметре» собственного «я». Так в системе межличностных взаимодействий формируется «прецедентная норма», выступающая наиболее действенным фактором социодинамики. Взаимоотношения понятий «поступок», «биография», «культура» рассматриваются в настоящей статье как актуальные условия формирования ценностной идентичности человека.

Человек волен поступать. Поступок как важнейший акт практического познания всякий раз оказывается действием, преодолевающим пределы возможного, определяя степень свободы человека, ведомого на своем жизненном пути Промыслом и помыслом.

Граница различения добра и зла положила начало собственно человеческой истории: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих...» (Быт. 3. 6–7).

Обретенный чувственный опыт обнаружил роковой отрыв от сущего — начало существования. Поступок ветхозаветного человека обозначил противоречие между бесконечностью духа и конечностью плоти. Абсолют как предмет познания навсегда оказался вне субъекта познания и вне его эмпирической действительности. Сфера бытия общественного была не единственной доступной для сознания областью, однако для человека безвозвратно прошли времена, «когда каждая тварь слушалась его голоса, потому что он умел назвать ее».

Человек вновь оказался в самом начале процедуры называния, и расхождение смыслов того, что он обозначал одним и тем же словом, наглядно представили события Священной истории. Действительные оценки зависели не столько от

дефиниции ключевых понятий, сколько определялись смысловым контекстом — человек утратил «природный» вкус к различению прекрасного и безобразного, добра и зла.

Действительный генезис форм поведения — их постепенное усложнение — определялось фундаментальными изменениями картины мира. Однако количественный рост информации о нем не мог повлиять на усугубление ситуации общей неопределенности. «Великое дело — понять свой инстинкт и чувствовать свой разум, — писал В. Одоевский в отрывках, которые не были включены в окончательную редакцию «Русских ночей». — Мы беспрестанно находимся в некоторой относительной темноте. Так продолжается во всю жизнь — и все стремление человека — выйти на свет»¹.

В век XXI человек вступил с тем же ощущением, которое Т. Адорно отметит как ключевую проблему творчества своего старшего современника — «многократно и в самых разных формах изображаемая Кафкой пугающая, преследующая с неотступностью навязчивой идеи ситуация, когда, как бы человек ни поступал, он все равно поступит неправильно»². Это положение «Эстетической теории» представляло убедительный контраст ситуации набиравшего силу с конца 1960-х годов постмодерна, в которой потенциально (и даже принципиально) оказывались «правы все».

Обращение к взаимоисключающим экзистенциалам человеческой реальности формирует представление об антропосоциогенезе как внутренне противоречивом, но целостном процессе, в сложном разворачивании которого Homo sapiens обретает свою идентичность.

Человеческое существование определяется на хрупкой грани природной и культурной памяти. «Опасное дело, — писал Б. Паскаль, — убедить человека, что он во всем подобен животному, не показав одновременно и его величия. Не менее опасно убедить его в величии, умолчав о низменности. Еще опаснее не раскрыть ему глаза на двойственность человеческой природы»³.

Сегодня этология как наука о *поведении вообще* все больше становится наукой о *поведении человека*. «Я человек, и ничто животное мне не чуждо», — пошутил однажды один из братьев Стругацких. Этот «вывод», обнаруживая внешнее несоответствие избитому житейскому афоризму, шел существенно дальше определения Homo sapiens как «говорящего животного». Отталкиваясь от мысли Аристотеля, Ж. Маритен укажет на возможность непосредственного постижения субъектом Универсума, утверждая, что «человек — это животное, которое питается трансцендентным. Однако все заявленные в связи с земным человеческим существованием метафоры его чувственных предпочтений — только часть того, о чем говорил Бахтин, определяя жизнь не как данность, а как заданность»⁴.

Виктор Гюго высказал однажды «побудительную» мысль, которая с легкостью могла бы стать лозунгом не только его романтической эпохи: «Велик тот, кто подает великий пример»... Хорошо известно, что именно «великие люди» ссорят и современников, и историков.

Проблему самооценки человека в соотнесенности с внешней интерпретацией его поступков с подкупающей простотой не раз помогала решать аналогия с самыми простыми математическими операциями.

«Каждый человек стоит столько, сколько он сделал, минус тщеславие», — утверждал Фридрих Великий.

«Человек не сумма того, во что он верит, не сумма своих убеждений, человек — сумма своих поступков», — делился в разговоре с журналистом И. Бродский.

Более сложный уровень раскрытия социометрических отношений предлагал Л. Толстой: «Человек — дробь. Числитель — это его внешние, телесные и умственные качества, сравнительно с другими; знаменатель — это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя — свои качества — не во власти человека, но уменьшить своего знаменателя — свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству — во власти каждого человека».

Несомненно, что система квалиметрических подходов позволяет оценить в качестве «целого» неслучайные индивидуальные черты. Намного сложнее осуществить оценку отдельных «биографических слагаемых», которая начинается с принципов их обнаружения среди фактов «предустановленной гармонии», реалий «жизненного мира» или не поддающихся «бытовой» атрибуции явлений «философии жизни».

В известной апории Зенона из Элеи движение летящей стрелы представлено как сумма моментов покоя. В каждый момент времени стрела должна занимать определенное пространство и, следовательно, движения нет — сумма «нулей движения» не может составить положительную величину.

Логика биографического «целого» неизбежно растворяется в единичных актах — моментах человеческого поступания. Отдельный факт не решает вопроса множественной идентичности личности — отношений особенного (своеобычного) и целого (общего) в пределах жизни как культурного текста. Вместе с тем поступок интересен не как пример частного наблюдения, а как репрезентирующий момент судьбы. Философия поступка обнаруживает свой действительный статус в горизонте исторической событий-

ности, определяющей собою «меру всей жизни».

Известно, что императрица Елизавета Петровна несколько раз совершала пешие паломничества из Москвы в Троице-Сергиев монастырь. (Первым из русских государей так поступил еще ее дед — «тишайший» Алексей Михайлович). Известно также, что путь в 64 версты Елизавета Петровна преодолевала особым образом — не особенно себя утруждая. В день она проходила обычно не более 5–6 верст. В назначенном месте императрицу ожидала карета, увозившая ее для отдыха в один из построенных для этой цели путевых дворцов. На следующее утро Елизавета Петровна возвращалась в карете на место, где накануне ее путь на богомолье оказался прерванным. Так — с перерывами — паломничество могло продолжаться несколько недель (или даже месяцев, о чем свидетельствуют записи камер-фурьерского журнала летом 1748 года).

Добровольно принятый и исполненный императрицей обет христианского послушания как ценностный акт, на первый взгляд, совершенно нивелируется зеноновской «логикой» микропроцессов. Однако для действительной оценки совершенного важно не *что* делает человек, а *каким образом* он поступает.

Эстетическое содержание всех видов деятельности может быть сведено к интуитивно принимаемым формам освоения пространства и «вживания» в свое время. Изобретенный «дщерью Петровой» принцип дробления целого на фрагменты имеет в рассматриваемом случае несомненную игровую природу и прямо соотносится с ключевыми тезисами эстетики барокко. Факт, который «в первом прочтении» обнаруживает лишь свою анекдотическую природу, устанавливает на практике совсем иные отношения с реальностью.

Частный случай биографии самым неожиданным образом позволяет осуществить поворот от акцидентного рассмотрения — к аксиометрической оценке содержательного контекста. В своей из-

вестной монографии Й. Хейзинга предлагает расширенное толкование термина *барокко* как универсального стилевого качества: «формы барокко были и остаются в полном смысле этого слова <...> *искусственными формами*. Даже когда они изображают нечто священное, и тут вырывается на передний план нарочито эстетическое, так что нам сегодня бывает трудно оценить трактовку той или иной темы как непосредственное выражение религиозного чувства»⁵.

Поступок как образ действия всегда детерминирован внешними условиями — обстоятельствами места действия и времени действия. С другой стороны, в качестве «прецедентной нормы» в системе межличностных взаимодействий он выступает основным и наиболее действенным фактором социодинамики.

«Чувство ситуации» определяется именно на эстетическом уровне, когда опыт непосредственной рецепции становится условием выражения исторического полагания. Поступок упорядочивает картину мира — «достаивает» ее, превращая в целостный феномен. Предрасположенность человека к «диалоговому» самовыражению формирует «акцентуированную личность» (термин К. Леонарда) как доминирующий тип целой эпохи. Если воспользоваться терминологией Г. Юнга, человек барокко — типичный экстраверт, открыто обозначающий «причудливость» своего присутствия в мире. В оценке его действий момент содержательный раскрывается в полной мере лишь тогда, когда оказывается соотношен с общими контурами биографической композиции.

Частный случай биографии русской императрицы — не «выпадение» из реальности, а установление нового типа отношений внутри этой реальности, точка построения целого. «Анекдотический» подтекст всей истории проявляется лишь вне своей эпохи. Вне «стилистического контекста» возникает и совсем иная мотивация ситуации — для очень (якобы) располневшей государыни всякое перемещение пешком было крайне затрудни-

тельно (в действительности, по оценкам современников, Елизавета Петровна до конца своих дней сохраняла внешнее изящество, и мужской костюм с зауженной талией был всегда ей к лицу).

Обычно эстетическая проблематика поступка обозначается на латентном уровне взаимодействия членов социума. Социальная мера управляет характером взаимодействий, их направленностью, что поддерживается формулами «практического мировоззрения» и выражается коррелирующими понятиями этико-эстетической оценки: *красиво/некрасиво, удобно/неудобно, ловко/неловко...*

В своих действиях человек движим чувствами не в меньшей степени, чем рациональными установками, и эстетическая аспектология поступка определяется на самых различных ценностных уровнях. При этом не будет новостью досужая мысль, что с этической точки зрения можно все делать правильно, но при этом не поступать красиво. И, наоборот, «попрок так живописен, а добродетель так тускла! Что же это за ужасы!» — сокрушался В. Розанов.

Личности яркой противостоит личность «бесцветная». Наличествующие симпатии подчеркивают асимметричность взаимоотношений, что предопределяет отмеченную Дж. Морено неравномерность распределения эмоциональных предпочтений между членами социальной группы. Вместе с тем в социальной индексации форм деятельности не в полной мере оказываются проявлены именно эстетические критерии, определяющие действительное положение индивида — его авторитет, статусность в системе межличностных отношений.

От непосредственного «чувства ситуации» (предваряющего и побуждающего к действию), через рецепцию телодвижений как «функционального удовольствия» (К. Бюлер) до последующего отбора ценностно окрашенных событий биографии как «обдуманного воссоздания жизни» (П. Вяземский) — везде присутствует обязательная эстетическая

рефлексия, дополняющая собою рационально постигаемые формы бытия.

Эстетический уровень рассмотрения вопроса предполагает внимательное отношение к тому, что зачастую остается неакцентированным — исследуется не отношение, а выражение этого отношения. Ценностный статус поступка оказывается шире сферы побудительных мотивов, когда стилистическая окрашенность деятельности и семиотическая окрашенность деятельности представлены в не-расторжимом динамическом единстве.

«Кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет», — напишет однажды Пушкин В. Жуковскому. Это частное замечание обращает внимание на действительную калокагатическую природу поступка. Однако вряд ли можно считать проясненным вопрос о «механизме» взаимодействия ценностных норм, предопределяющих «правдивость формы». «Мысль не тускнеет ли, проходя сквозь выражение?»⁶ — это замечание В. Одоевского имеет отношение не только к речевым актам. Внеэстетическое содержание манеры поступания учитывает иные принципы избирательности и альтернативности действия.

М. Павич в «Хазарском словаре» предложил постмодернистское истолкование рассматриваемой проблемы: «поступки в человеческой жизни похожи на еду, а мысли и чувства — на приправы. Плохо придется тому, кто посолит черешню или уксусом польет пирожное».

Действительный баланс этического и эстетического — единства цели и способа ее достижения — предопределен сложными аксиологическими параметрами поступка как нештатного явления: «Я—думающий в начале процесса помнил, что Я есть, но им не являлся», «Я—думающий подумал и, договорившись с Я—чувствующим, дал команду Телу...» «Приходится Я—думающему нажимать на Я—чувствующего, а тот уже наваливается на Я—действующего, преодолевая его громадную инерционность»...⁷.

Внутренняя форма поступания закономерно уподоблена внешнему перемещению в пространстве. Поступок — производное от «поступи»; «шаг» — «выходка» — действие «из ряда вон» — «порыв» обозначают выход за пределы принятого, дозволенного. Отражая архетипические пласты культуры, язык фиксирует неслучайные значения в соотнесенности с глаголами движения — «поступить», «оступиться», «уступить», «заступиться», «пре(пере)ступить», «превзойти». Поступок — это всегда «предельный опыт» действительности, который обнаруживается за чертой «социального ординара». Акт сознания поступающего человека можно определить как «способность выбора в альтернативной ситуации, в условиях, когда автоматическая предсказуемость выбора исключена»⁸.

С другой стороны, — как утверждал И. Кант, — только естественность манер человека нравится другим «уже одной правдивостью проявлений»⁹. «Красота, — дополнял со своей стороны Ф. Шиллер, — есть свобода и целесообразность в явлениях, гармония мира чувственного и сверхчувственного. Отсюда она есть специфическое явление человеческой жизни»¹⁰.

В повторяющемся круге повседневности, обстановке обыденности, привычном житейском ритме вырабатываются устойчивые связи между индивидуальной оценкой бытовой ситуации и выбором поведенческого жанра. Введенный И. Павловым в научный обиход термин «динамический стереотип» указывает на значимые стороны отмеченного явления — внутреннюю статичность при видимой внешней подвижности.

Вместе с тем «динамический стереотип» обладает исключительно значимыми возможностями как *последовательность действий, подтвердившая на практике свою эффективность*. Формализованные модели отношений повышают степень оперативности взаимодействия внутри структуры (соответственно повышается степень конкурентности социальной группы).

Стереотипность поведения (как программа адекватного действия-ответа) обладает эстетическими качествами «симметрической» конструкции. Выбираемый из поведенческих формул алгоритм определенным образом «уравновешивает» ситуацию, что нередко осуществляется на уровне простой автоматической реакции. (В этом случае возможно использование даже не самой социальной формы, а лишь ее «отпечатка» — смысл социальной детерминации раскрывается в буквальном прочтении *греч. stereos* — телесный... и ...*typos*).

Модель «симметричных» отношений предполагает выработанную систему оппозиций, в которой действия человека рационально «компенсируют» ситуацию. Это, как правило, привычная реакция выбора на повторяющиеся внешние условия. Подобный тип взаимодействия противостоит аномии как неустойчивому состоянию общества, в котором преобладание неурегулированных внутренних связей допускает «приоритет случайного» над «приоритетом необходимого».

Легитимность форм социального взаимодействия определяется различными социальными институтами — правовыми нормами, моралью, политикой, религией, постулатами «обычного права» и т. п. Адекватность действия — это его «приравненность» (*лат. adaequatus*) мере дозволенного. Внешняя оценка фиксирует нормативность выбора поведенческого жанра. Социальные ожидания исходят из логики стандартных решений в стандартной ситуации. Заданность ценностных ориентаций, их «сценарность», соответствует условию социальной адаптации человека, способности действовать по обстоятельствам, которые всегда сильнее индивида.

Предсказуемость выбора получает обычное положительное подкрепление, тогда как действие «приблизительное» может интерпретироваться как «неполноценное».

Признаём узаконенность стремления управлять социальной жизнью. Так, Р. К. Мертон особо отличает эпохи,

когда «ритуалистическая приверженность к институционально предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости». Способы регуляции отношений внутри системы могут определяться как «симметричное равновесие» и «несимметричное равновесие», определяемое авторитарностью социальной структуры. С последним типом соотносимы такие модели, как «приспособленчество», «гибкость», «конформизм» и другие жанры ассимилированного или адаптивного поведения.

В значительной степени социальная норма определяется привычкой. В контексте нормативных процедур, обеспечивающих необходимую степень устойчивого социального взаимодействия, привычка выступает эквивалентом полноценного существования («заменой счастию»). Показательны в этом плане грустно-ироничные признания Петра Вяземского:

Я пережил и многое, и многих,
И многому изведаль цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия...

Мера как ключевая эстетическая категория оказывается условием для определения разных уровней социальной нормативности. «Количественный» критерий детерминирует многие качественные характеристики. Взаимодействие этих величин как социометрических параметров выступает актуальным условием легитимности действия.

«Все вещи имеют свою меру, т. е. количественную определенность, — писал Гегель, — и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но вместе с тем это безразличие имеет также свой предел, при нарушении которого (при дальнейшем увеличении или уменьшении) вещи перестают быть тем, чем они были»¹¹.

«Сделав первый шаг на пути незаконных уступок, можно ли представить, как далеко зайдешь? <...> Стоит только сойти с **совершенно прямого** пути и стать на путь уступок пороку, как тон-

кость и верность нашего восприятия теряются с устрашающей быстротой»¹², предлагает истолкование проблемы с точки зрения «практического мировоззрения» А. А. Толстая.

Обращение к категории *меры* как важному аксиометрическому показателю позволяет рассмотреть различные примеры «эстетической девиации». Так, *осмотрительности* в выборе поведенческой модели противостоит *опрометчивость* действий. Это не «выпадение» из ситуации, однако несоответствие представлениям о мере должного или возможного. (Опрометчивость, по В. Далу, — это «ошибка по торопливости или нерассудительности», когда негативно оценивается именно образ действия, совершаемого «по спешности или нетерпению»).

Для непосредственной эстетической оценки значимы моменты единства содержания—формы, «меры» и «намерений», чувственно воспринимаемого и рационально детерминированного.

«Коллективные представления» определяют целые программы действия, основу которых составляют многочисленные поведенческие жанры — «денди», «джентльмен», «комильфо», «буян», «альфонс»... В точном смысле слова это понятия условные, т. е. возникающие лишь при наличии в социуме предпосылок их внутренней констатации. Условием целенаправленной деятельности, предопределяющей уровень социальных ожиданий, становится имидж (и прежде всего его эстетические составляющие).

В оппозиции *массовое/элитарное* получает свой самостоятельный статус *индивидуальная манера* как совокупность признаков, качеств, способностей, интерпретируемых как «*свойственность*» и отличающих данного человека от других. Внешняя оценка действий в этом случае ориентирована на уровень не общих, а частных ожиданий, однако при этом нередко происходит сознательное отождествление индивидуальной манеры с «позой», «маской» и другими явлениями с гипертрофированным превалированием

формы. Говоря о «формальных отношениях», нельзя исключать имитационные виды взаимодействия. Нет поведения «для себя» — в том числе в тех случаях, которые можно оценивать как предельное проявление эгоистического индивидуализма. Такова по преимуществу эстетика жеста. Зеленая гвоздика О. Уальда или оранжевая морковка на фраке Гогена, деревянная расписная ложка в петлице К. Малевича обременены внутренней статичностью при видимом разнообразии атрибутов внешнего самовыражения. «Невзирая на банальность, маргинальность или даже непристойность, все обращается в субъект эстетизации, культуризации, музеефикации. Все проговаривается, выставляется, все наделяется силой (или манерой) знака»¹³.

Жест указателен, в отличие от него поступок нарративен (говорящий поступок) и предполагает совсем иные условия раскрытия личности. Нередкое в человеческой биографии смешение «окказионального» и «сущностного» предопределяет особую взвешенность подходов в исследовательской интерпретации «поступательного нарратива» повседневности.

Поведение человека — рационально оптимизированная система взаимодействия с окружающей средой. Проверенные на практике алгоритмы становятся основой самоорганизации социума. Однако инерционность взаимодействия вступает в конфликт с идеей исторического развития. Формы межличностных отношений, порождаемые социальной практикой, противостоят ей как саморазвивающейся системе. То, что принято и дозволено, исключает возможность принятия мобильных решений.

Однообразие обстоятельств действия проявляет актуальность одних и тех же образов действия, что на обыденном языке означает «смириться с обстоятельствами». Репродуцирующие формы поведения — это то, что приличествует человеку, но не отличает. В этом случае, по словам Ю. К. Олеши, человек перестает

быть мерой всех вещей, а превращается всего лишь в «функцию времени».

Поступок — понятие индивидуальное, его целесообразность определяется мерой соответствия цели, лежащей вне традиционного круга установок и, следовательно, достижение которой предполагает преодоление социальной инерционности. Если на уровне выбора поведенческой модели действия человека имеют репродуктивный характер и могут быть интерпретированы лишь как социальный знак, роль поступка в метаморфозах социального взаимодействия оказывается качественно иной.

Акт человека поступающего всегда эксцентричен. Единство внутренних значений понятия (отношения центра и периферии) самым непосредственным образом затрагивает проблематику эстетической выразительности. В многообразии форм естественного самовыражения человека поступок выполняет означивающую и структурирующую функции, обретая статус *воплощенного смыслополагания*. (Привычные бытовые оценки человека как «воплощенного смирения» или «воплощенной кротости» не исключают «показного», «напускного», «случайного», всегда составляющих оппозицию «значимому» и «сущностному».)

Именно поэтому *образ действия* человека — телесная форма раскрытия его сознания (определяемая единством этического и эстетического) — не может ограничиваться уровнем социологических оценок. «Красота — чувственное явление нравственной идеи», — говорил Кант. Эстетическое целеполагание выступает не только способом реализации этического содержания поступка, но и условием его *во-площ-ения*.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, —
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла...

— поэтические строки Арсения Тарковского подключаются к раскрытию проблемы убедительностью точно найденного образа. Поступок как «плотской, ве-

щественный образ» мысли становится естественным выражением человеческой потребности «вселять духовное, невещественное в плоть» (В. И. Даль), ибо только в своем понимании должного человек приближается к существу. Акт поступания становится для человека единственной возможностью «выхода» в действительность — проявления своей культурной идентичности. Поступок-символ, «возвышаясь, приобретает власть над человеком, диктуя выбор жизненных путей и моделей поведения»¹⁴.

Природа поступка метафорична. Горизонтом действия «человека поступающего» оказывается область функционального смещения от *случайного* — к *причинному*, от *частного* — к *событийному*. (*Обычные повседневные действия человека можно рассматривать как «стертые метафоры», которые, однако, сохраняют в культурной памяти след былого «поведенческого сдвига». Показательна в этом плане классическая оппозиция «казуального» и «каузального»: факт перестановки звуков [метатеза] легализует актуальный содержательный поворот [meta-thesis], когда «единичное, частное, не поддающееся обобщению» предстает в качестве закономерного*).

От эстетической окрашенности индивидуального действия — через постижение историософского смысла «больших процессов» — человек приходит к *онтологии ответственности*. Поступок — это случившееся состояние мысли, телесная рефлексия человеческой «самодидеи» (М. Мамардашвили). «Номо eventualis», таким образом, оказывается необходимым условием становления «Номо univ ersus». В этом специфическая ценностность биографических фактов как «фрагментов действительности» (В. Библер).

Среди проявленных и непроявленных культурных ориентиров линия судьбы не имеет однонаправленного измерения. Более очевидными представляются взаимоисключающие векторы биографических поворотов. Их многочисленные мемуарные истолкования могут быть дополнены признаниями Виктора Шкловского: «Человек один идет по льду, вокруг него туман. Ему кажется, что он идет прямо. Ветер разгонит туман: человек видит цель, видит свои следы. Оказывается — льдина плыла и поворачивалась: след спутан в узел — человек заблудился. Я хотел честно жить и решать, не уклоняясь от трудного, но запутал свой путь. Ошибаясь и плутая, я очутился в эмиграции, в Берлине...»¹⁵. Шкловский вернулся. Его возвращение в Советскую Россию — поступок, как несомненным поступком останется судьба тех, кто остался вне России навсегда.

Ницше говорил о том, что все возвращается, но ничто не повторяется. Отвечая условию непрерывности (как главному своему критерию), культура не терпит и не допускает самоповторений.

Идентичность в поступке — условие идентичности в биографии. На фоне доминирующих поведенческих практик поступок выступает не следствием, а причиной. Как поворотный момент судьбы он изменяет статусность и смысл последующего поступания.

Размышления о поступке как акте самопознания — *воплощенном смысле допознания* — расширяют представление личности о ее возможностях, «диаметре» собственного «я». В этом случае в методологии рассмотрения разнообразных жизненных проектов — частных форм социального поступания — обозначается ценностный поворот от ЭСТЕТИКИ ПОСТУПКА к ФИЛОСОФИИ ПУТИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 203.

² Адорно Т. Эстетическая теория. М., 2001. С. 434.

³ Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 107, 117.

-
- ⁴ Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 104, 106.
- ⁵ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. М., 1992. С. 206.
- ⁶ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 24.
- ⁷ Ген Ши. Идеальный процесс // Поток, осень 1999. СПб., 1999. С. 38.
- ⁸ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. III. С. 476.
- ⁹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. IV. Ч. 2. С. 363.
- ¹⁰ Перев. с нем. по изд.: Смирнов А. И. Эстетика как наука о прекрасном в природе и искусстве. Казань, 1894. С. 15.
- ¹¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: В 2 т. М., 1975. Т. 1 // Наука логики. С. 216.
- ¹² Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М.:, 1996. С. 80,
- 94; *все графич. выделения в тексте принадлежат автору мемуаров.*
- ¹³ Bandrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Extreme Phenomena. London, 1993.
- ¹⁴ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 26.
- ¹⁵ Шкловский В. Б. Жили-были. М., 1964. С. 120.

L. Letyagin

«НОМО ACTING»: AESTHETIC ANALYTICS

Action as a corporeal way of idea embodiment is almost always «a speaking act». Action, estimated as a value performance, appears to be a condition for self-discovery of the person; it expands the concepts of the individual of his/her opportunities, i.e. the "diameter" of the «self». Thus «the precedence norm» develops in the system of interpersonal interactions, and it is the most effective factor for social dynamics. The Interrelations of the concepts of «action», «biography», «culture» are analyzed in the article as the «sine qua non» for the development of the human being value identity.